

А. В. Довгань,

кандидат филологических наук,

ответственный редактор научно-производственного
частного предприятия «Форум» (г. Киев, Украина)

ПУСТОТА И СМЫСЛ (АБСУРД И НЕ-АБСУРД В КУЛЬТУРЕ)

Человеческое сознание, как и культура, порожденная им, нуждается в *пустоте*. Как правило, эта пустота – не «место для чего-то», но «место без чего-либо». Таким образом, по-нашему мнению, можно считать пустоту не столько потенциальной основой для *не-пустоты*, сколько ее истоком. Так, работая над картиной, художник *заполняет пустоту* холста, однако само ее присутствие, наряду с не-пустотой, может иногда сказать больше (полотно может остаться пустым отчасти, т. е. быть зарисованным не до конца).

По-нашему мнению, в контексте культуры, соотнесенной с идеей в самом широком значении, пустота представляет собой *не-смысл* (абсурд, бессмыслицу и пр.), противопоставляемый *смыслу* (не-пустоте, культуре в целом). Конечно, культура – это не только смысл, однако антропологически он первичен в ней, поскольку *абсурд* – гранулированная пустота, т. е. не отсутствие чего-либо как такового, но его *дискредитация*.

Литература является особым видом общественной деятельности. Поскольку литературные произведения отражают определенные моменты исторического развития нации, несут в себе информацию о стране социального, политического, экономического, культурного, географического, этнографического и пр. характера. Однако культурологические сведения представлены в художественном тексте весьма специфично [4, с. 147]. Последнее объясняется тем, что культурологический контекст в художественных текстах представлен *фоново*, т. е. это *информация об информации* – данные, подразумевающиеся как известные (в первую очередь это касается *лакун* и пр.). При этом художественное произведение имеет как бы новое измерение, в котором противостоят друг другу творящий объект и преображенный им мир внешнего [3, с. 41]. Таким образом, понимание представляется хаотичным явлением, полностью зависящим от опытности и способностей отдельного субъекта, а поскольку процесс

интерпретации не может быть *адресным*, то он *безличен*.

Важно, что понимание характеризуется непрерывным бегом мысли по замкнутому кругу – от целого к части и наоборот. Круг может быть разорван именно для того, чтобы реализовался процесс понимания, который начинается с понимания целого. Это является предпосылкой понимания частного [7, с. 87]. При этом абсурд (пустота) и смысл (не-пустота) могут быть и частным, и целым. Как правило, все зависит от акцентов, однако, по-нашему мнению, «круг понимания» представляется динамичной, мобильной структурой, природа которой потенциально гибка, прежде всего когнитивно, что обеспечивает естественную и непринужденную смену смысла и абсурда в жизни субъекта.

Показательно, что ни одна культурная ценность, ни одна творческая точка зрения не может оставаться на ступени простой наличности, голый фактичности психологического или исторического порядка; только систематическое определение в смысловом единстве культуры преодолевает фактичность культурной ценности [2, с. 9]. Таким образом, проявляется рационалистическое (логическое, упорядоченное, структурное) начало смысла как компонента восприятия человеком внешнего мира. Отметим при этом, что мы полностью согласны с мыслью, высказанной выше, однако есть большая разница между «определением» и «интерпретацией»: поскольку первое – прерогатива смысла, то второе – хаоса (абсурда, пустоты и пр.), который и дает человеку свободу интерпретирования, т. е. бесконечность прочтений (восприятий) того или иного явления, факта, события и т. д.

Показательно, что в языковой коммуникации при *распредмечивании смыслов* человек чаще всего опирается на *концепты*, а не *понятия*, которые характерны для научного мышления [5, с. 253]. Заметим, что упомянутое «распредмечивание» в каком-то плане является началом дискредитации смыслов, поскольку *смысл, заложенный изначально*, и *смысл, интерпретируемый субъектом*, не один и тот же, а значит – происходит его *абсурдизация*. Таким образом, человеческое сознание представляется свойством высокоорганизованной материи, т. е. развитого мозга и социальной формы движения, главная функция которого в отражении действительности в системе идеальных образов (чувств, мыслей, настроений, установок, целей, идеалов и др.) [6, с. 160].

В контексте изложенного выше логично, что содержание

художественного произведения представляется национально культурным по определению, поскольку в художественной литературе отражена вся жизнь народа, в том числе и культура как важнейшая ее составляющая; язык является одним из важнейших культурных феноменов; художественный текст как произведение искусства сам является фактом культуры [4, с. 148]. На наш взгляд, тут уместен термин «текст культуры» (при этом совершенно не важно: оформлен ли он вербально или графически), поскольку он не просто оформлен в ее дискурсе, но является частью последней, которая отражает одну из сторон этого явления.

Абсурдное сознание – особое воплощение антирационального взрыва, в борьбе с жесткими структурами и формальной логикой не является изобретением исторического авангарда, поскольку оно зародилось в текстах литературы, сходных, как правило, по организации мотивов и образующих подобную сюжетную схему: несмотря на то, испытывает ли человек (литературное лицо) определенные чувства (лишний человек) или неосознанно погружается в не-смысл во время аффективного состояния, порожденного ими, он вдруг антирациональным порывом совершает взрыв [8, с. 179]. То есть «взрыв» представляется проявлением абсурда, который нарушает очерченные раз и навсегда границы логики и смысла через чувственное переживание, происходящее в эмоциональной динамике.

Интересно при этом, что автономия искусства обосновывается и гарантируется его причастностью единству культуры, тем, что оно занимает в нем не только своеобразное, но и необходимое и незаменимое место [2, с. 9]. Понятно, что пустота и не-пустота в этом контексте – неотъемлемые части культуры, инь и ян, без которых любое произведение искусства (и любой текст в том числе) было бы невозможно, вследствие своей неполноценности (однобокости, «плоскости» представления реальности).

Наиболее полно эту черту абсурда можно проследить на примере инспирирующей роли, которую сыграла в формировании и развитии абсурдистской тенденции в белорусской опере литература, послужившая впоследствии основой либретто, создававшимся авторами музыки. Так, логика парадокса, образная амбивалентность, разнообразные формы гротеска, подчеркнутая условность, стихия игрового начала выдвинули на первый план театральность оперного произведения [1, с. 102].

Таким образом, абсурд и смысл – органичные и неотъемлемые компоненты культурной полисистемы, являющиеся средствами

передачи тончайших оттенков семантики, культурного наследия, а также специфики национальной картины мира и пр. При этом абсурд распространен так же повсеместно, как и смысл, но проявляется имплицитно. Его роль в культуре – это обострение восприятия через отказ от прямых оценочных категорий, характерных для смысла, и побуждение к осмыслению глобальных проблем бытия.

1. *Аладова, Р. Н.* Белорусская опера рубежа XX–XXI веков: освоение поэтики театра абсурда / Р. Н. Аладова // Національна музична академія України імені П. І. Чайковського. – [Електрон. дані]. – Режим доступу: http://knmau.com.ua/chasopys/19_NBUV/docs/11_Aladava.pdf.

2. *Бахтин, М.* Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет / М. Бахтин. – М. : Худож. лит., 1975. – 504 с.

3. *Козлов, В. И.* Историчность категории художественного мира / В. И. Козлов // Изв. Южн. Фед. Ун-та. Филол. науки. – 2008. – № 3. – С. 38–53.

4. *Комарова, Л. И.* Представленность культуры в художественном тексте / Л. И. Комарова // Вестн. гуманит. ин-та ТГУ. – 2010. – № 1. – С. 147–149.

5. *Кравец, А. С.* Теория смысла Ж. Делеза: pro и contra / А. С. Кравец // Логос. – 2005. – 4(49). – С. 227–258.

6. *Лаптева, И. В.* Измененные состояния сознания в художественном творчестве / И. В. Лаптева // Лингвистические и экстралингвистические проблемы коммуникации : теоретические и прикладные аспекты : межвуз. сб. науч. тр. с междунар. участием. / редкол. К. Б. Свойкин (отв. ред.) [и др.]. – Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2009. – Вып. 7. – С. 160–164.

7. *Третьякова, И. В.* Герменевтический подход к исследованию проблемы понимания иноязычного художественного текста / И. В. Третьякова // Лингвистические и экстралингвистические проблемы коммуникации : теоретические и прикладные аспекты : межвуз. сб. науч. тр. с междунар. участием / редкол. К. Б. Свойкин (отв. ред.) [и др.]. – Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2009. – Вып. 7. – С. 86–90.

8. *Javornik, M.* Абсурдность бродячих сюжетов / M. Javornik // Slavica Tergestina. – 2012. – 14. – С. 167–195.